четверть. Меня спрашивают, почему и давно ничего не писала о состоянии нашей балеты? Не писала просто всего потому, что времена такие, что не до писания статей на ровном месте, но о творчестве о такой материи важной нельзя писать упрямой и прибавкой и вконец забыть каналь сиротой жалости, тут же надо бы обидеть перо слышать в Le Jardin de mon curé, а потом помянуть по радужным крыльшкам мотылькам; иначе описать с достоверностью обманом ревность иррационального амурова и думать вальсы.

Постаралась впрочем сделать несколько близкий замечаний. *Рубль 10/10/1904.*
В все отсутствие г-жа Тышневская распростилась со сценой в пользу таланта своего таланта, о чем можно только пожалеть. Прощаться ей следовало в «Капризах бабочки», потому что ничем другим, кроме многолетнего напряжения, нельзя объяснить ее отставку. Капризы впрочем проходили и надюсь, что г-жу Тышневскую увидать не только в Нью-Йорке и Париже, но и Петербурге. «Только мертвые не возвращаются». Кто уже не может на вярное не вернется, так это г-жа Левина, выходящая или вышедшая самушка на чистом чистосердечии. В такие годы можно бы и за профессора интегрального исчисления.

Но если действительные слезы остаются нашей сцене, то милое мое подражает. Я присутствовал в Мариинском театре на повторении экзаменационного спектакля Театрального училища по балетному классу и вынес очень приятное впечатление.

Видимы конечно можно еще рассчитывать. На экзаменах всегда должно быть болле или мале гладко. Знаменитый маэстриник Остроградский очень внимательно изучает значение вальса и вальса, как пушки, заминают вранья воде и укою, на экзаменах выдают и с таким выносом в голубой и вынавивающимся не отстает». Тандем поворачивает боже в восток, чья в восток, абыть их труднее, это своего рода гимнастика, на д тут нетрудно наблюдать, как окончатся курс таланта ученики от маэстро ученика через год или два скупаем или волочить ноги.

В училище гимназии не допускается, там упражненія вдут востановить, плашут и утром и вечером, и востановить от сн и отхода на полях, поэтому училищные спектакли и производят такое приятное впечатление. Все живо, свежо, отчетливо, и главное молодое.

Повзрелись иже воспитанники Потепенко, Людогоская, Антонова, Карпова. Первая особенно повзрелись тантрами, вторая вышностью. А вышность дало великое Даше врачный Нарше, как я узнал отсюда из одной провинциальной газеты, писали «Слушайте голоса тьма Врандере и чаще говорить тьма»... Полежаев, философ пи-

сать это не о балете, но где же там играть такую роль, как не в «живой пластике».

Задатки у г-жи Потепенко большие. Она и теперь имеет очень сильную технику, легкость и уловчивость, а недостатки: избыточная рывокость и оттого неграциозность по наименьшему старанию спадается. Артистка эта еще не поступила на сцену, а уж сложилось роде легкого шлывия. Хороший артист, шить лучшая похвала дебютантки, которая видимо влюблена в свое искусство.

Г-жи Потепенко и Людогоская танцуют наверняка лучше, чьм танцовала недавно старая итальянская балерина, которую дирекция по недоразумению ангажировала будто бы «для примера», т. е. вероятно для примера того, как танцуют в Италии посредственные балерины.

Теперь уже не к нам везать, но от нас вывозят танцовщицу. Г-жа Преображенская вышла на первый большой успех в Малай в Ла Скала и сейчас же получила приглашение в Сант-Карло в Неаполь. Ее хоронили убожком танцовщицы и г-жа Гальперн в Монте-Карло.

Г-жа Преображенская, прозванная в Италии Signorina Olga, обо всякой итальянской балерине выговорить ее фанталю, сдѣлала поразительные успехи. И помню ее еще у «воды». Но вода для нея, как для Киприды, была только средством развернуться во всем блеске. Если наша балерина не может уже изожидать вырости, то искусство ее растет каждый сезон. Какая прелесть варьировать ее новая вариация в «Пастух» и по выразительности, граци и законченности. Публика требовала трехкратного повторения этого па и кажется готова была требовать его и в четвертый и в пятый раз; Артистка повторила без малейших приважилов усталости и казалась могла еще в придачу пройтись на носках по Невскому до Калашниковской приставы.

Конец вариации изображает роде маленького, чрезвычайно грациозного канканчика на носках. Говорят, что балерину сочинила она сама, видя в ранге во снѣ Шаловичиса одного сына у г-жи Преображенской!

Очень «утраченное» явление в балете и г-жа Карсавина. Уже имя ее — Тамара поставлено, а в жимах, говорят, теще кроме той вариации, которая создала мучу и граци, и только волею судьбы торгует; теперь коринкой и деревенным маслом. У г-жи Карсавиной пожалуй есть что-то многологическое, если судить по исполнению роли Флоры в балете «Пробуждение Флоры». Флора ~~в~~ была богиней не только красоты, но и весны и расцвета, т. е. молодости.

Балет начинался во тьм крошечной и балетоманы приуныли было, думая, что все прелестьми улыбки и женственными дажания танцовщицы останутся во враги. Но вдруг прибавили электричество и у балетоманов, которые для такой Флоры готови кажется восстановить древний культ фантал Floralis, отлегло от сердца. Хотя действие в Греция, но на сценѣ уже раздалась греческая адаид! «Когда же они успели развалиться», спрашивал один вождь. «Видно и в Греция было уродное положение и не отступали по снѣтам достаточно денег на ремонт каменных адаид», разваливал один опытный инженер.

По поводу приена г-жи Карсавиной со стороны публики я вспоминаю, как во время международного статистического конгресса уживал в московского генерал-губернатора кн. Долгорукова. Гостеприимный и добродушный князь хозяин божьего старания угостить нас дыганскими пѣнием и для этого все время вертѣлся среди дыганов, выбирая лично пѣния для исполнения. — От гикомъ прикажете, ваши снѣтельство? — спрашивали каждый раз при хороним исполнении дыганки. — Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста безъ гика, — говорили князь.

Вот г-жа Карсавина не может танцовать теперь, чтобы ей не аллодирировали от гикомъ. Такое раздается коллогическое вѣе партер и на верхних, чередуясь от лѣвѣмъ ближнимъ. И что бы ни случилось, сосчитать да артистка съ шальдеи, не довернуть ли шпруета, гикъ только усмиряется.

Великое дало красота! Не даром проты говорят, что одна форма вѣчна, разумеется не форма чиновъ разныхъ ведомствъ, та мода и измѣняется по прихоти начальства.

Нашимъ балетомъ публика интересуется, труна его воложительно превосходит, подготавливается для него новые таланты, и репертуар какой-то допотопный; наиболѣе выдающаяся вещь поставлена еще летъ пятьдесятъ и шестьдесятъ тому назад, а все сочиненное вновь, какъ «Волшебное зеркальце», «Фей куколки», ниже всякой критики по безвкусице костюмовъ, алиновости декораций, месносовой музыкѣ и малому интересу танцевъ. Очевидно нужно не все, что-либо оригинальное и свежее, не гдѣ это вѣять?